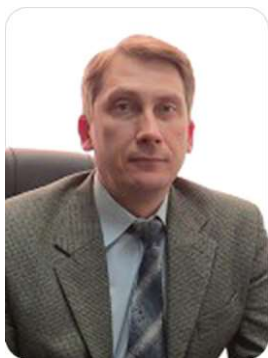

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ
ПУБЛИКАЦИЈЕ И ПРЕВОДИ

Эта страница специально оставлена пустой
Ова страница је намерно остављена празна
This page intentionally left blank

РАПОРТ ОДНОГО ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ОФИЦЕРА О СЕРБИИ И О ПОЛОЖЕНИИ ЕЕ ВО ВСЯКОМ ОТНОШЕНИИ

Михаил Белов

(перевод, вступ. ст. и комм.)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Публикуется комментированный русский перевод рапорта барона Дибича, побывавшего в Сербии в 1811 г. Впервые сербская версия этого текста появилась на страницах белградского альманаха «Голубица» (1844), который редактировал Й. Хаджич. Во вступительной статье на основании документов Российского государственного военно-исторического архива раскрываются обстоятельства начавшейся в конце мая 1811 г. в Белграде разведывательно-консультативной миссии барона Дибича, а также причины его скоропалительного отзыва из повстанческой Сербии. В рапорте Дибича отразилась точка зрения победителей на итоги борьбы в руководстве повстанцев, а также острая критика русских чиновников, контактировавших с ними с позиции культурного превосходства.

Ключевые слова: Первое сербское восстание, наполеоновские войны, русско-сербские отношения, барон Дибич

Публикуемый ниже документ был напечатан впервые в пятом выпуске белградского альманаха «Голубица» в 1844 г. Его редактор Милош Светич (литературный псевдоним Йована Хаджича) сообщил, что получил рукопись на немецком языке от Г. Мушицкого. Он нашел ее среди бумаг своего покойного дяди, поэта и просветителя, епископа Лукиана Мушицкого (1777–1837). На рукописи надпись: «Автор сего сочинения есть барон Дибич. Писано в Букуреште во Валахии в 1811 или 12 годе. В Сербии был он 1811 года»¹.

Действительно, барон Дибич прибыл в повстанческую столицу 29 мая 1811 г.² Не вполне ясно, однако, идет ли речь в указанном архивном деле о И.И. Дибиче, будущем фельдмаршале, или о его старшем брате, партизане 1806–1807 и 1812–1813 гг. Василии Ивановиче Дибиче (1770–1838). По ряду примет — скорее о последнем³. Подполковник 27-го егерского полка должен был в Белграде снять план крепости, а затем в сопровождении 50 казаков с сербским конвоем отправиться на Дрину, чтобы осмотреть укрепления и редуты на боснийской границе и дать рекомендации местным воеводам по их исправлению. Следуя через Делиград, Баню и Гургусовцы (юго-восточная окраина повстанческой Сербии) с теми же целями, ему предписывалось возвратиться в расположение русского отряда под предводительством О.К. Орурка, который в то время находился в Неготине⁴.

Эти предписания Дибич не выполнил. Русского барона с именем, допускавшим, что его дальние предки были сербами, ожидал в Белграде радушный прием⁵. Он воодушевил верховного вождя и прочих старейшин планами организации «стратегического партизанского корпуса» на базе двух батальонов рус-

¹ Голубица 1844, 318 (прим.)

² Российский государственный военно-исторический архив (Москва) (далее – РГВИА) Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 6–7об. Ф.И. Недоба – А.Л. Воинову, 1 июня 1811 г. В тот же день он встретился с предводителем повстанцев Карагеоргием.

³ См. о нем: Миловидов 2005; Миловидов 2008. Как резюмирует автор в последней статье, «карьеру же Василия Ивановича [Дибича] погубила не только излишняя горячность нрава, но, в первую очередь, авантюризм, завышенная самооценка, нежелание соотноситься с объективными обстоятельствами, граничащие с не вполне адекватным восприятием реальности».

⁴ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 4–5об. А.П. Засс – М.И. Кутузову, 3 июня 1811 г. Там же. Л. 8–9об. А.П. Засс – М.И. Кутузову, 7 июня 1811 г.

⁵ «Всего неприятнее, — жаловался русский диппредставитель в Белграде, — что [Дибич] разглашал соединение с черногорцами, ибо, сколько мне помнится, мы дали письменно

ской пехоты, гусаров, драгун, казаков и артиллерии, чтобы «Боснию и Албанию присоединить к нашим интересам, между тем как сербские войска будут действовать на Ниссу и Софию». По версии Дибича, представленный им план был одобрен военным министром еще в январе 1811 г., и именно это стало причиной перевода барона из квартирмейстерской части в егеря, более того, об этом плане якобы были извещены и Засс, и Орурк, как лица ответственные за сотрудничество с сербами⁶. На самом деле, план соответствовал надеждам повстанческих вождей, но расходился с позицией командования Молдавской армии. За превышение полномочий Дибич был срочно удален из Сербии. Недобе было поручено дезавуировать планы Дибича, особенно «могущие быть вредными соседственной связи сей земли с империею австрийскою...», поскольку это бы повредило репутации России⁷. Более того, изобретательный генерал советовал дипломату: «Ежели случилось, что барон Дибич успел что-нибудь сделать, употребите способы приличным образом огласить, что Дибич потерялся рассудка...»⁸.

Инициативы Дибича, показавшиеся неуместными Зассу и Кутузову⁹ в начале лета 1811 г., оказались востребованными уже следующей весной, когда обсуждался проект «адриатической экспедиции» [Казаков 1962; Казаков 1983; Белов 2012]. Можно предположить, что М. Б. Барклай-де-Толли, с которым Дибич вел беседы о возможностях партизанской войны в Турецкой империи, дал ему поручение изучить на месте возможности реализации составленного плана, а тот слишком увлекся этой идеей. Хотя по распоряжению Кутузова 21 июля 1811 г. отставленный от службы барон был выслан в Могилев под надзор полиции¹⁰, влиятельные покровители (в лице того же военного министра, с которым породнился И.И. Дибич), по-видимому, не увидели в его действиях особенно серьезного нарушения служебной дисциплины. Впрочем, если мы имеем дело с «первым из немцев партизан», в оценке А.П. Ермолова, В.И. Дибичем, то он, в отличие от своего младшего брата, так и не поднялся в чине выше подполковника (по другим данным — полковника¹¹).

Подлинный текст рапорта Дибича на немецком языке пока не выявлен. Впрочем, он мог сохраниться среди бумаг военного министра. Перед отправкой в Могилев Дибич передал Кутузову через офицера, ответственного за это мероприятие, некий конверт¹², однако его содержание неизвестно, поскольку находящиеся в нем материалы не были подшиты к «деду барону Дибича» канцелярией Молдавской армии. Не ясно и то, каким образом копия рапорта оказалась в архиве Л. Мушицкого. Данные обстоятельства придают тексту, опубликованному в пятой книжке белградской «Голубицы», апокрифический оттенок. Учитывая политико-династическую ангажированность Й. Хаджича и не устоявшиеся еще в то время требования к аутентичности документальных публикаций (переводов), нельзя исключать редакторского вмешательства в опубликованную сербскую версию. Но упомянутые в ней детали и специфика использованных автором оправдательных аргументов, не дают сомневаться в том, что оригинальная немецкая версия, действительно, находилась в распоряжении публикатора.

Дибич побывал в Сербии вскоре после «конституционной реформы», которая привела к изгнанию из страны, охваченной

французам [обязательство], что отступаемся от всякого с тем народом сношения. 2-го сего месяца представил перевод оных [планов] Совету, куда ездил в сопровождении 25 казаков и арнауты и офицеров оных, говорил длинную речь и рекомендовал себя». Там же. Оп. 3/163. Св. 24. Д. 12. Л. 51–53об. Ф.И. Недоба – А.П. Зассу, 17 июня 1811 г. В оправдательной записке Дибич, выходец из Саксонии, просил о снисхождении, поскольку действовал «...на пользу добровольно избранного отечества». Там же. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 2–2об.

⁶ Там же. Л. 10–11. Выписка из рапорта Дибича А.Л. Воинову.

⁷ Засс мотивировал отзыв Дибича и тем, что «...он принял на себя делать операционные планы, каким образом вести войну сербам, предполагает формировать войски и множество затеял таких дел, которые ему вовсе не были поручены, что его совершенно отвлекло от цели порученности, ему данной». Там же. Л. 8–9об. А.П. Засс – М.И. Кутузову, 7 июня 1811 г.

⁸ Там же. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 672. Л. 76–76об. А.П. Засс – Ф.И. Недобе, 6 июня 1811 г.

⁹ Михаил Илларионович Кутузов (1747–1813) вступил в должность главнокомандующего Молдавской армией после смерти Н.М. Каменского 2-го в апреле 1811 г.

¹⁰ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 19–22. Дибич прибыл в Сербию с женой, а когда был отозван, оставил ее в Белграде, надеясь скоро вернуться назад. В конце августа 1811 г. он дожидался ее в Могилеве, хотя ему давно было предписано следовать в Петербург. Кроме того, Дибич требовал прогонных, и подольский генерал-губернатор Тучков 1-й просил совета Кутузова, не зная, что ему делать.

¹¹ В таком чине он фигурирует как один из разоблачителей «масонского заговора» в 1816 г. [Дудаков 1993, 54].

¹² РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 20. Штерер – М.И. Кутузову, 22 июля 1811 г.

восстанием с 1804 г., воевод-оппозиционеров Миленко Стойковича и Петра Добринца, утвердив верховную власть Георгия Петровича Черного (Карагеоргия) и преобладание в правительстве представителей так называемой «австрийской партии». Ее трактовка динамики и результатов внутривосточной борьбы собственно и представлена в рапорте Дибича¹³. Другой содержательной составляющей этого текста являются полемические выпады против пренебрежительного отношения к сербским повстанцам, их руководителям и лично Карагеоргию, которое, как полагает Дибич, проистекает из культурного разрыва между ними и русскими чиновниками (имеется в виду тот же Недоба). Руссоистский мотив «простоты» как высшей добродетели нецивилизованных народов выражен в тексте чрезвычайно выпукло. Но особенно любопытными, если, конечно, это не плод воображения Хаджича, являются рассуждения Дибича о единстве судеб народов России и Сербии. В ином случае, они опять же были инспирированы его беседами с сербским руководством.

Географическое положение Сербии известно. От устья Тимока в Дунай до окрестностей Оршавы или более — до Ада-Кале, которое занимают турки¹⁴, страна соединена через Малую Валахию с русской армией; а это расстояние приблизительно в 50 верст.

Город Кладово, который держат сербы, есть ключ этой связи: местечко, расположенное прямо на Дунае, может иметь едва 100 домов; город окружен рвом, который укреплен земляным валом и высоким частоколом, есть несколько хорошо размещенных пушек, однако же опять ничего другого, как только имени бедного военного укрепления не заслуживает, поскольку другая сторона, к предместью обращенная, так дурно устроена, что по ней можно ударить без всякой опасности. Крепость, или как еще ее зовут цитадель, по старому способу из камня сложена и составлена из различных¹⁵ [частей] разрушенных стен и нескольких башен, а тот, кто ее строил, имел в виду только местную оборону.

Необходимо признать, что Кладово в усмотрении связи русских с Сербией превеликой важности; тем более что мы имеем в Сербии войско и магазины; и потому еще более удивительно, что мы за все время, как Кладово владеем, так ничего не сделали для его безопасности; оснащение в крепости плохое, пушек мало, да и то малое не в лучшем состоянии; а наполненные магазины имеют только продовольствие, но не потребности военного укрепленного места.

Другой путь сообщения — через Брзу Паланку, крепостицу ниже Кладово на Дунае; и здесь хорошо поставленные турками укрепления пришли в негодность.

Кроме того, имеются пути сообщения через Великий остров и Прахово.

Торговая или финансовая спекуляция с нашей стороны позволяла Мулла-паше¹⁶ суда из Видина в Ада-Кале проводить, так как сам имел случай проход этих ладей видеть, то не могу распоряжений, в том призрении учиненные, похвалить. Паша видинский известен как человек, который стремится лишь к богатству, и который со своими деньгами отпал от строгой покорности Порте. Чтобы свои богатства умножить, позволял он

¹³ Опечаленный отзывом Дибича Карагеоргий тщетно просил вернуть его в Сербию, поскольку «военное искусство одного было бы нам [в] сие лето весьма нужно». Там же. Л. 13. Карагеоргий — Ф.И. Недобе, 16 июня 1811 г. О «конституционной реформе» 1811 г. см., например: Белов 1999, 39–42, 88–92.

¹⁴ Комендантом Новой Орсовы (Оршова, Оршава) или Ада-Кале на Дунае являлся не вполне лояльный Порте Реджеп-ага.

¹⁵ Разновысотных (?).

¹⁶ Видинский паша и также оппонент центральной власти.

всякому со своими судами проходить, поскольку ему какой-то налог платится. Пускай бы от договора этого с Мулла-пашой все и, Бог знает, какие люди, имели выгоду; а может быть, [стоило бы] суда на Великом острове и досматривать, если только они не сопровождаются до места определения своего русской армией; было бы удивительно, когда бы турки пропустили такую благоприятную возможность и не договорились с Ада-Кале, а возможно, поддерживают и некие гайдуцкие четы в тамошних краях и при наступательной войне шлют свои планы или распоряжения этим путем паше в Ада-Кале, который ни в военных потребностях, ни в пушках, ни в воинах, ни в деньгах, ни в постоянстве и духе предприимчивом недостатка не знает.

Имеем ли мы причину, всеми средствами к безопасности пренебрегать и презирать [их], не могу знать, но по опытам, засвидетельствовавшим благоразумие нашего командования, мы тому должны верить.

После этих примечаний, которые для того нужны были, что из них незнание Сербии со стороны нашей могло угадываться, приступлю к самому описанию.

Этот кусок земли, который мы Сербией называем, лежит между Дунаем, Дриной, Скадской и Аргентарской планиной¹⁷ и рекой Тимоком. Ее величина приблизительно 240 верст длины и 280 ширины; так что поверхность ее занимает примерно 67200 квадратных верст. Но тот бы ошибся, кто бы подумал, что это вся Сербия; к Сербии принадлежит и одна часть Албании, та, что между Озерной планиной, Белой Дриной¹⁸ и Черногорией лежит, и вся Герцеговина.

Так называемые австрийские сербы, выражение очень несвойственное, переселились в Австрийскую державу и поместились в Венгрии и около Венгрии. Их больше сотни тысяч числом, и в самой австрийской военной службе их до 32000 человек.

Число жителей Сербии, которую свойственно теперь так называть, нельзя определенно выказать: многих война рассеяла, многие пропали, но опять всякий день новые переселенцы приходят, того же, чтобы со стороны пограничных соседей¹⁹ все делалось, не бывает.

Сербия имеет красивые, рыбой богатые реки, которые можно хорошо употребить для торговли и для безопасности границ. Самые известные: Дунай, Сава, Дрина, Тимок и Морава, которая пересекает почти всю страну. Страна очень холмиста, но при этом не только что долины, но и холмы весьма плодородны. Климат прекрасный, земля здоровая. Наиглавнейшие произведения ее: вино, очень хорошее, приятного вкуса и крепкое. Виноделие можно было бы еще поднять, поскольку при лучшей культуре столько вина на вывоз даст, что им удовлетвориться может вся Россия.

Оцет²⁰: виноград для него растет по диким лесам.

Всякие сорта продовольствия и зелени.

Дичь и рыба.

Достаточно живого скота, особенно дикого и домашних свиней.

Тонкая, длинная и мягкая шерсть в изобилии.

Лен и конопля.

Дерево в изобилии.

Меди очень много.

¹⁷ Отроги Динарских Альп. Планина — лесистая гора, горы.

¹⁸ Вероятно, Белый Дрим в Метохии.

¹⁹ Т.е. австрийских сербов.

²⁰ Устар.: уксус.

Имеется еще и много минералов; как то: свинец, маркаш (? — публ.)²¹, висмут, серебро, да и само золото; но недостаток в работниках в теперешние времена делает обработку руд невозможной; алебаstra, мрамора и извести довольно; гранита и другого доброго камня довольно находится.

Нефти (Bergohl) находится в изобилии. Омелы польской, каштанов, лесного ореха и миндаля и т.д.

Ореховое дерево здесь толстого ствола, так что находятся пни в 4 рейнских фута²² толщиной. Дерево очень хорошо для изготовления домашней мебели, и может быть красиво отполировано.

Какие бы суммы могла Россия сэкономить только на одном этом дереве, которое за драгоценное махонское дерево²³ выдают?

Земля имеет все, чтобы самое красивое стекло производить; ей не хватает только людей, которые то дело разумеют.

Россия, имея Дунай во владении, могла бы очень дешево из Сербии что-то для собственных потребностей, а что-то для провоза (транзита) получать:

Вино, оцет, шерсть и льняные ткани, коноплю, полотна, минералы и некоторые аптекарские надобности, которые здесь в полях находят, нефть.

Поскольку в стране очень дешево жить, и производные легко и в великом изобилии могут добываться, если бы доставка Дунаем до Одессы не была дорогой, то торговля с Сербией для России стала бы известным источником прибыли.

Пути сообщения теперь далеко отстали в развитии; но они тем легче поправиться могут, что стране не досаждают заливные воды, и земля тверда и хороша.

Главные пути есть:

От Кладова через Брзу Паланку, Неготин, Баню, Делиград.

Из Белграда через Хасан-пашину Паланку, Ягодин, Делиград, Ниш, Софию и т. д. до Цариграда.

Из Белграда через Валево и Зворник в Боснию.

Из Белграда вдоль Савы через Шабац в Рачу и в Боснию.

Из Ужицы в Сребреницу в Боснии.

« « Вышеград « «

« « через Нови Пазар в Албанию.

Страна теперь разделена на нахии или округа, из коих всякий по одному магистрату, зависящему от сената, имеет, и всякая нахия на меньшие срезы-кнежины разделена, которых поглаварь главный обер-кнез зовется; во всяком селе имеется по одному кнезу и булюкбаши²⁴. Вся страна имеет поглаварем Георгия Петровича как верховного коменданта, который вместе с тем член и президент сената; а этот, то есть сенат, управляет страной и имеет следующее разделение:

Сенат состоит

Из вице-президента, который вместе с тем и военный министр, Младена Миловановича;

Из министра внутренних дел, Якова Ненадовича;

Из министра финансов, кнеза Симы Марковича;

Из министра иностранных дел [Михаила] Радонича;

Из министра просвещения [Ивана] Юговича и статс-секретаря [Михаила] Груйовича.

Сенату как помощник подчинен Великий Суд, высший суд страны; и он управляет судейской отраслью. Поглаварь суда

²¹ По-видимому, маркашит — лучистый колчедан.

²² 1 рейнский фут — 0,31387 м.

²³ Правильно: Махагониево (Swietenia mahagoni), т.е. красное дерево.

²⁴ Буюкбаша (тур.) — сотник.

этого министр правосудия Илия Маркович²⁵, [при нем] несколько членов и один секретарь.

Причина, по которой мы о Сербии криво судим в том, что те, кто в нее приезжали, были люди предвзятого способа мышления или же ограниченных знаний или же им не доставало понимания страны и людей.

Народ сербский, в великой степени турками притесненный, не мог ни на один шаг к просвещению приступить; и потому серб вообще сурового нрава, без наук и, думаю, с полным правом горд своею тяжко добытой свободой.

Во всей стране нет балов, театров, людей света, приятных изысков, словом того, что в свете называется хорошим тоном (*bon ton*), но и самых колкостей и поношений. Следовательно, как эта страна может понравиться людям, которые привыкли к образу жизни больших и просвещенных городов, как она понравится тем, кто не находит здесь и того воспитания, чтобы им лестью угождать, или где не потакают их денежным интересам с покорностью отправляемыми подарками и таким образом не завоевывают высокого покровительства.

Тот, кто сербу не покажется правдивым и сердечным, тот ему не понравится; и серб того не сокроет.

Итак, естественно, что тот, кто там окажется, и ему не понравится, что не идет все там по его нраву, а может быть, и не поступают сразу по его распоряжениям, обличенным в советы, тогда он скажет:

«Это страна без всякой для нас пользы (для того ли, который так пишет и извещает, или для России?); люди здесь просты (ибо не знают что такое *bon ton*); непослушны» (потому как, сколько бы мы их ни поправляли и ни наставляли испорченные нравы высшего просвещения принять, они того делать не станут).

«Они отвращены от нас» (это самая гнусная ложь; поскольку, если какой русский себя причисляет к народу, тогда, где бы ни случилось ему показаться, такой, как у серба, склонности к русскому нет [ни у кого]).

«Тут нет ни порядка, ни дисциплины» (в стране этой, которая еще не вышла из состояния бунта, имеется в действительности довольно порядка, в стране, в которой теперь как раз над устройством и законами работают, много и порядка, и дисциплины).

«Там одни партии» (что все одинаково не думают, то мы допускаем; а где же иначе? Сам я приметил, что уважается обоснованное мнение, а не лицо, его высказавшее; а как же в ином месте?).

«Наихудшее самовластие управляет страной без силы и решительности» (я еще буду об этом говорить и противное доказывать).

«Один гайдук, другой — приглаженный негодяй, третий стремится страну другой державе отдать, четвертый сеет подозрения против нас» (это подлая ложь).

Так мне при случае описывали Сербию; и хорошо, что мой разборчивый ум, мое единственное намерение должность свою исполнить не дали мне ослепнуть и [позволили] найти то хорошее, что в Сербии может быть, предвидя то хорошее, чего здесь еще нет.

Я горжусь тем, что показал тем большее чувства долга и

²⁵ Илия Маркович (1762?–1837) — до восстания скототорговец, в его начале обер-кнез, с 1807 г. член Совета от Шабачкой нахии. Пост «великого вилайетского судии» получил после изгнания П. Добринца.

любви к службе, чем многие мои предшественники; хотя то и простительно тем, кто, быть может, не подходит по характеру, другим опытом, рассуждением и наклонностью к нравственности (которая, к несчастью, все более и более утрачивается) в справедливости не расположился и не укрепился, таким же способом противно о всяком мыслить и судить, и я не беру на себя труд постичь истину из древней истории, но думаю, что истинную правду говорю: они вовсе несправедливые вещи до сведения [начальства] доводят²⁶.

Лишь несколько примечаний здесь довольно прояснят дело; за краткое время моего тамошнего пребывания было бы невозможно принять на ум все.

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ, которому турки дали имя Кара, Черный или, в переносном смысле, «храбрый» — это человек большого характера. Облик его показывает назначенную душе величину; и всякий, кто только совсем предосудительно не мыслит, кто обстоятельства, время, положение человека, невозможность лучшего в его прошлых годах воспитания и все, что отсюда происходить должно, будет брать в расчет, тот признает за ним величину, постоянство и истинно мужественный, владычественный дух и соответствующие оному дела, по которым люди постигают сущность, а не ищут повод умалить и принизить.

Правда, что он своего отца убил; но разве чувство собственного спасения, любовь к отечеству и действие момента не могут быть ему защитой; кто же настолько мерзок, что доказывает, будто он то дело с удовольствием учинил?

Кто не согласится с ним, как сыном, что печалится, поскольку отец *его*, главу союза за спасение отечества, постоянно принуждал к тому, что должен он противу собственного отца воспротивиться? Чего ему другого оставалось, как ни безопасность места для обороны от турок избрать, столь благое средство для собственного спасения, чтобы, кроме как собой, не пожертвовать своими союзниками и народом²⁷.

Правда, что он брата своего отдал на повешение, но этот его поступок может только злоба совершенно осудить; много раз брат, как правитель, брату прощал за дела, которые всюду веревкой наказывались бы, много раз уговаривал и угрожал. Разве судия презреет в конце концов закон, которому он уважение отдавать должен, поскольку брат истый закон не уважает? Да и во время великого просвещения в Греции бывали такие примеры, в те времена, когда мир еще не был так испорчен, когда истина и общее и истинное человеколюбие обожествляли как добродетель; такому подобному делу тогда бы восторгались. И все же это дело дало повод его неприятелям много глупостей выдумать, чтобы этого мужа, чью великую душу постигнуть они не могли, унижить клеветой.

К этим клеветам принадлежит и то, что Георгий Петрович свиреп; в то время, когда страна не имела никакого устройства, но в нем вся сила и воля целого неустроенного и непросвещенного народа должна быть соединена, в то время была [у него] обязанность, которой он всей общиной был наделен, поступать с безусловной строгостью. Он в отношении самого себя был строг; он и в отношении других не мог быть благ и мягок. Сколько раз и в это время подлая трусость приписывала ему умышленные убийства и гонения, которых никогда не могла доказать.

²⁶ Очевидный намек на Ф.И. Недобу.

²⁷ Версия отцеубийства сходная с рассказом, изложенным: Бантыш-Каменский 1810. Подробнее о легендарном потенциале этой истории: Белов 2005.

Теперь, когда страна имеет суды и устройство, теперь Георгий Петрович никогда сам не казнит, и более того, он и не дает казнить по своему произволению, но предает все судам.

Правда, этот человек никакого воспитания не имеет; он очень мало говорит; нравы его просты и почтенны, как и у всего народа; всегда он задумчив; однако природа его богато одарила естественным разумом; он легко схватывает и такие вещи, о которых прежде и не знал ничего; его суждения легки и истинны, много живости духа; работая и во всем показывает народу пример подражания достойный. Когда развеселится (а весел он всегда, когда с другими веселиться может), тогда он очень весел; отпускает шутки, и все вокруг него веселятся. Как солдату ему нельзя отказать в таланте, храбрости и неустрашимости, как человеку — в решительности, твердости, постоянстве и величии характера его.

И разве справедливо и разумно, что чиновники и подданные монарха, который покровительствует этому Георгию Петровичу, трудятся, и то из частных неких намерений, представить его в дурном виде, и более того: пред самим его народом стараются унижить?

То же самое делают и с остальными поглаварями и чиновниками в Сербии; когда не могут отрицать их душевные дарования и знания, тогда их описывают как лживых, коварных и к нам не склонных:

Будьте откровенны и искренны с сербами, и они такими же с вами будут.

Будете учтивыми и покажите доверием вашим, что вы уважаете существующие в Сербии устройства, поскольку это обязанность ваша — поступать так во всякой стране; тогда и серб по отношению к вам никогда не забудется, но будет показывать вам, насколько он горд и привержен вам.

Докажите сербам, что предложения ваши клонятся лишь к благосостоянию Сербии, и что вы их делаете лишь для того, чтобы этого благосостояния достичь, а не чтобы на себя принять некую власть, которая вам не принадлежит и не приличествует, и тогда наверняка предложения ваши будут услышаны; они вас любят, они вас уважают, так же как вы их — сербов-братьев!

Сербия имеет в сенате всех самых почтенных и талантом одаренных людей, которые если и совершили какие ошибки, то это потому, что в Сербии средства скудны, да и основательные знания и опыт редки; однако Младен [Милованович], Яков [Ненадович] и другие, это люди, которые бы и в других державах не последними были!

Некоторые вещи еще достойны примечания, поскольку они делают честь тем, кто работал над этим временным устройством государства; как то:

Во всей Сербии заведено регулирование потребностей и денег.

Перекупать и за большую цену продавать продовольствие не могут и в самых удаленных краях Сербии.

Землевладельцы в Сербии в великой степени свободны; нет рабства, и даже с побежденным турком поступают мягко и хорошо.

Налогов и даяний для отдельных людей не существует! Не доказует ли это довольно, что правители — не тираны и не спе-

кулянты, которые заботятся лишь о том, как бы себе добро накопить.

Случай с сербским комендантом Миленко²⁸ большое впечатление произвел, повсюду у него есть приверженцы. Нужно признаться, что военные таланты этого мужа следует уважать; но и того умолчать не можно, что он великие заслуги перед Сербией имеет; однако всякий беспристрастный и то, и другое забвению предаст, когда сам там узнает, как дело это обстоит.

В правду, не Миленко, а его секретарь — человек, полный интриг²⁹. На поводу у него пошел и вывелся теперь Миленко совсем; он был прежде секретарем в сенате, но оттуда уволен, поскольку в большом проступке обвинен, и, по-видимому, из-за того к Миленко и перешел, чтобы с помощью него отомстить. Ясно и совершенно истинно то, что он действовал так, чтобы правление в Сербии перешло в руки Миленко; *тогда как прежде Миленко Георгию Петровичу на вечную верность и покорность обязывался*. Во всякой державе в таких обстоятельствах по справедливости была бы погублена самая способная голова.

Миленко употребил богатство свое, чтобы народу понравиться и к себе сторонников привлечь; представлял себя как чрезмерный приверженец России в надежде получить оттуда поддержку своим властолюбивым планам; но и в том ошибся. Думая, что в своем месте укреплен, свершил он много самовольных дел; он перед русскими чернил поглаварей и доказывал, что они привержены австрийской стороне; он задерживал курьеров.

Много раз прощал Георгий Петрович Миленку за дела его, которые были выказаны, много раз его просил, чтоб не проявлял себя как неприятель отечества, пока в конце концов случай или нарочно выстроенные условия не рассорил их открыто, и так Миленко, его секретарь и еще один незнатный человек этой партии³⁰ были изгнаны из страны. Имущество у них не отнимали, и оно никому не отдано; брат Миленко его сохранил; и если когда сын Миленко в отечество возвратится, воистину все недвижимое имущество ему достанется.

Где же здесь несправедливость, свирепость и алчность?

Точно так же важно объяснить, какова же эта австрийская партия: Россия оказала Сербии большую помощь; правительство и народ привержены поэтому с премногой благодарностью своему великому любимцу АЛЕКСАНДРУ. Но было время, когда Россия не могла столько делать, сколько Сербии было потребно; обстоятельства были таковы, что не терпели отлагательств; и Сербия получала из Австрии порох, свинец и другие потребности, в которых она нуждалась. Это причина, по которой Сербия должна придерживаться австрийского приятельства. Также во время прерванного сообщения с русским главным войском Сербии было позволено курьеров своих направлять через австрийские земли. Сербия, притесненная турками, не могла сохранить и образовать способные головы; таковые Сербия получала из рожденных и воспитанных в Австрии сербов, которые, перейдя тайно, без дозволения своего начальства в Сербию, назад в свое отечество перейти уже не могли; и так, свою единственную надежду на Россию иметь должны; однако они из Австрии, и заводят в Сербии нечто по способу австрийскому, насколько им этот способ известен; следовательно, думают, что они увлечены Австрией; но такого нет. Если Россия

²⁸ Миленко Стойкович был изгнан из Сербии в феврале 1811 г. Как указывалось выше, Дибич излагает далее, по сути, официальную версию победителей в этом конфликте.

²⁹ Иеремия Гагич. После ухода по состоянию здоровья с поста секретаря Правительствующего совета (февраль 1807 г.) и скорой смерти Божидара Груйовича было назначено два секретаря — Иван Югович (1772–1813) и Иеремия Гагич (1773–1859). Первый из них — образованный выходец из Воеводины — имел репутацию человека «австрийской партии», второй — «русской». В результате борьбы в руководстве движения и, вероятно, не без участия Родофиникина в конце того же года Карагеоргий принял решение об отстранении от дел в Совете обоих. Янкович 1954, 57. Янкович опирается на свидетельство: Караич 1969, 58, 102.

³⁰ Формулировка едва ли применимая к изгнанному вместе со Стойковичем Петру Добринцу, о котором автор не упоминает.

обстоятельствами принуждена будет покинуть Сербию, куда останется сербам, которые среди турок более вращаться не могут, бежать, как не в Австрию. Это опять причина, почему они не могут ссориться с этой державой. Но это и еще одна причина, почему сербы, при своей приверженности к русскому царю, имеют некоторое действительное сомнение и недоверие к русскому генералитету и политическим чиновникам. Сербь все чувствуют, а что яснее видят, то живее чувствуют, что независимость их для России очень важна... Редок, однако, случай, но здесь он показывается, чтобы истинное благосостояние двух народов вместе и воедино складывалось и совпадало, чтобы несчастье России влекло за собой падение Сербии, точно так, как падение Сербии — для России несчастье.

Поэтому сербы ожидали от России сильную и деятельную помощь, ожидали тесный союз между двумя державами, ожидали во всем откровенность, правду, сообщение. Вместо же этого во всякое время помощь приспевала лишь тогда, когда сербы напрасно перенапрягли свои силы и приняли великие жертвы, так что посланная помощь ничего другого не делала, как только голое и временное спасение.

Известия им давались, чтобы их принудить к быстрому движению и действиям³¹; а после со временем становилось известно, что известия эти не были истинными.

Сербам не дозволено ни своих просьб, ни благодарения своему высокому покровителю императору непосредственно поднести³².

В Сербию направлялись люди, которых тамошнее правительство никак возлюбить не могло, почему поведение их то же правительство осрамило перед народом³³.

Напротив, если случайно люди, туда направленные, которые о Сербии действительно хорошо думали, и которые своими советами были действительно полезны стране, таковые сразу назад вызывались, и все мольбы сербов, чтобы их вновь в Сербию отправили, были тщетны и ответа не удостоены!³⁴

Не должны ли мы поэтому их простить, когда так думают: «Что же, не хотят *вовсе* нам помочь?»

Со всей силой, которую Сербия в отношении своей земли, своего производства, своего положения в торговле имеет, ничто так не очевидно, как то, что теперь должна терпеть недостаток в деньгах. Там нет постоянного войска, всякий серб служит отечеству и общей пользе, когда его призовут или нужда того требует: тогда остаются нива, ремесло и торговля в пренебрежении. Имущество, отнятое от турок, или осталось в руках частных лиц, или уже давно употреблено на общую пользу. Сколько денег забрала Австрия за продовольствие и припасы? Сколько стоит содержание шпионов? Сколько стоят те, кто должен действовать ради Сербии в неприятельской земле? Сколько усилий потребно, чтобы в собственной стране отливать пушки, изготавливать селитру, порох и ядра лить?

Если хочется, чтобы окончание войны не оставило ее неизвестности, то необходимо устроить такую точку сосредоточения, которая бы нам обеспечила положение, чтобы с ней выгоднее могли использовать время. Это против турок еще легче можно сделать, чем против других народов, поскольку они в зиму, если совсем не разойдутся, то значительно уменьшат оное войско. Такой точкой был бы для Сербии Белград. Но это раз-

³¹ Имеется в виду наступление 1809 г., не синхронизированное по ряду причин с действиями русской армии. См. о нем: Белов 1999, 36–39.

³² К концу 1811 г. сербы добились права непосредственного общения с главнокомандующим, а после визита сербских депутатов в Петербург весной 1812 г. Александр I предложил Карагеоргию и впредь адресовать просьбы «в пользу народа сербского» на его имя. Внешняя политика России 1962, 356–357. Н.П. Румянцев — Карагеоргию, 2 апреля 1812 г.

³³ Намек на К.К. Родофиникина и Ф.И. Недобу.

³⁴ Имеется в виду, например, И.Ф. Угринич-Требинский (Бей Новокрещенов), офицер русской службы местного происхождения выступал в качестве инструктора повстанческих войск еще с лета 1806 г. Весной 1809 г. по предложению тогдашнего диппредставителя России в Белграде К.К. Родофиникина он был удален из Сербии за превышение полномочий.

валина без необходимых окопов, с разваленными казематами, без мостов и башен, без достаточного числа пушек. При недостатке сербских сил для военного человека еще удивительнее, что со стороны России для приведения в хорошее состояние этого места ничего сделано не было, ни один искусный инженер не был послан³⁵; а Россия сама имеет в Белграде магазины и войско, которые там, если сложатся неблагоприятные обстоятельства, предоставлены опасности, более чем где бы то ни было.

Сербия до сих пор не могла выставить войско более чем 18000; с много меньшим началась революция; опять же с малым войском, не имея никакого устроения, без достаточных средств сербы исторгли турок из страны; и держались вот уже почти 8 лет против неприятеля, которого наши великие и устроенные войска не принудили даже к тому, чтобы перейти Балканы. Это ли не доказательство, что сербы против турок могут быть употреблены очень хорошо?

И когда я теперь всего лишь только выказал нужду и представил возможность эту самую решительную для Сербии войну свершить еще в этом году, то это привело к тому, что правительство с напряжением всех своих сил обещалось поставить в этом году 28000 человек.

Когда я размышлял о средствах, как эту силу в самом течении войны подходящей перестройкой, присоединением добровольцев умножу до 40000 человек.

Когда я объяснениями и сообщениями, которые не упустил для себя раздобыть, трудился пограничные вражеские земли от неприятеля отвратить и отторгнуть, и потому мог надеяться, что мало-помалу с ними соединюсь, откуда ожидал, что силы могут возрасти на 25 тысяч человек.

Когда я старался сербов в Черногории и Герцеговине вовлечь в сербский интерес, каким способом около 30000 человек сверх того боролось бы против неприятеля.

Когда я все это устраивал, чтобы русской армии, которая не так уж сильна, обеспечить мир и безопасность; будучи, насколько возможно было, турецкую силу повернуть на другую сторону.

Когда я все то делал, чтобы честь отечества сохранить и на будущее приобрести верных и надежных сторонников.

Когда с этим [выполнял] приказание: «Старайтесь к тому привести, чтобы сербы в этом году предупредили турок в Боснии и т.д.», которое мне граф Орурк (в присутствии полковника Засса³⁶) дал, которое сам генерал-лейтенант Засс прочитал, и он его подтвердил.

Когда это приказание генерала, при всем недостатке сербских сил, как человек разумный и верный слуга исполнил; в чем я тогда подозрителен сделался? В чем я тогда виноват и казни достоин?

Чем я заслужил то, что со мной со стороны генералитета поступают как с бесчестным преступником?

Или это средство, которым мы можем нашим союзникам доверие, перед светом уважение, чиновнику любовь к должности и приверженность влить?!

Что я сделал за время пребывания моего в Белграде для блага Сербии, чтоб России верно послужить, то я докажу при

³⁵ Это не верно. Уже в конце ноября Прозоровский направил для налаживания порохового завода под Белградом майора Лаврова. См.: Первое сербское восстание 1980, 438–439. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 29 ноября 1807 г. А весной следующего года здесь побывал инженер-майор Грамберг. Богишич 1872, 132. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 2 июня 1808 г. Грамберг, по этому сообщению Родофиникина о его отъезде из Сербии, «...исправил наилучшим образом одну белградскую крепости часть, по которой могут уже легко продолжать дальнейшее исправление и показал им места, где наймнее поставить пушки; во-вторых, дал им прямое понятие об укреплении ретраншаментов; описал все таковые имеющиеся в Сербии, что было совершенно неизвестно как верховному вождю, так и совету, и, наконец, дал им план белградской крепости и карту Сербии». Впрочем, ремонт белградской крепости и других крепостей на территории повстанческой Сербии потребовал бы значительных затрат и был чреват дипломатическими осложнениями со стороны Австрии. Отчет Грамберга Прозоровскому на французском языке, датированный 26 июня 1808 г. см.: Богишич 1872, 133–141. Он содержит, кроме краткого вводного «мемуара», три раздела: описание страны, ретраншементы и редуты, народ.

³⁶ Вероятно, сын А.П. Засса, Андрей Андреевич Засс (1776—1830).

удобных обстоятельствах; здесь того приводить не буду, хочу только заметить: никогда Россия войну с турками твердо и славно свершить не сможет, иначе как я прежде Вашему превосходительству предложил³⁷.

Никогда Россия не сможет опереться на доверие другого народа, если Сербию точно так же, пускай и subtilным, способом бросит в беде, как оставила Морею и Черногорию³⁸.

Россия уже потеряла своих союзников на севере; если еще и Сербию оставит, тогда останется сама за себя.

Никогда Россия не сможет найти лучшего случая, как теперь, чтобы добыть себе впредь через Сербию надежную оборону.

Голубица 1844, 297–318.

³⁷ По-видимому, рапорт обращен к военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли (1761–1818). Он занимал этот пост с января 1810 по август 1812 г.

³⁸ Имеются в виду отказ от поддержки Пелопоннесского восстания и уход из Наварина русской средиземноморской эскадры в 1770 г., а также сдача Ионических островов и Которской бухты после Тильзита в 1807 г.

Библиография / References

- Бантыш-Каменский Д.К. (1810) *Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию*. М.
- Белов М.В. (1999) Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография. Нижний Новгород.
- Белов М.В. (2005) «Воротися, отец, воротися!» Георгий Черный: генеалогия харизмы народного вождя. *Славянский альманах 2004*. М.: 405–445.
- Белов М.В. (2012) Балканская параболa: проект «адриатической экспедиции» в контексте «наполеоновских войн» (1812) *Русский сборник XIII*: 7–26.
- Богишич В. (1872) Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия» *Отчет о 13 присуждении наград Уварова*. СПб.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века* (1962). Сер. 1. Т. VI. М.
- Голубица 1844: *Голубица с цветом кнѣжества сръбског* (1844) V. 1843 и 1844. Београд.
- Дудаков С.Ю. (1993) *История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв.* М.
- Јанковић Д. (1954) Правителствујушчи совјет. *Историски гласник* 1/2: 15–88.
- Казаков Н.И. (1962) Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году. *1812 год. К столетию Отечественной войны*: Сб. статей. М.: 47–63.
- Казаков Н.И. (1983) Проект адриатической экспедиции П.В. Чичагова. *Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813*. Београд: 341–353.
- Карацић В.С. (1969) *Сабрана дела XVI*. Историјски списи II. Београд.
- Миловидов Б.П. (2005) Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. *Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях*. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции. Малоярославец: 159–185.
- Миловидов Б.П. (2008) Отряд подполковника В.И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г. *Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях*. Малоярославец: 216–251.
- Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия (1980) Кн. 1. М.

THE REPORT OF THE IMPERIAL RUSSIAN OFFICER ABOUT SERBIA
AND ITS POSITION IN ANY RESPECT

Michail Belov

(Translation, Introduction and Commentary)

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Commented Russian translation of the report of baron Dibich, who visited Serbia in 1811, is published. For the first time the Serbian version of this text appeared in the Belgrade anthology «Golubitsa» (Dove, 1844), which was edited by J. Khadzhich. The documents from the Russian State Military History Archive were used to describe the circumstances of intelligence and consulting mission of baron Dibich which began in Belgrade in May 1811 as well as to clarify the reasons of his hasty withdrawal from Serbia. The report written by Dibich reflects the view of the winners on the results of the struggle between the rebel leaders, but also contains some sharp criticism of Russian officials contacted with them from the position of cultural superiority.

Keywords: First Serbian Uprising, the Napoleonic Wars, Russia-Serbia relations, baron Dibich